

Кюхельбекер Вильгельм Карлович

Русский Декамерон 1831-го года

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В46

В46 **Вильгельм Карлович К.**
Русский Декамерон 1831-го года / Кюхельбекер Вильгельм Карлович – М.: Книга по Тре-
бованию, 2023. – 84 с.

ISBN 978-5-519-92107-7

ISBN 978-5-519-92107-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ловажное — способность къ воспринятію зара- зительнаго міазма. Но стану продолжать безъ дальнѣйшихъ отступленій. И такъ холера при- ближалась къ Москвѣ. Ужасъ овладѣлъ всѣми: Московскій Телеграфъ опоздалъ выходомъ; Мос- ковскія барышни, хотя и не опоздали на балы, но ахали; Московскіе остряки шутили — и трусили. Стали выѣзжать: сперва въ подмосков- ный, а когда начали поговаривать о карантинахъ, объ оцѣпленіи, — и дальше. — Русскіе всегда госте-

нахожу признаться, что всемогущій, исполненный про- казъ божокъ любви за нѣсколько уже лѣтъ зажегъ мое ретивое нѣжной страстію къ прекрасной, цѣломудрен- ной, но — увы! жестокой ключнице графини Ладовой и къ прекраснымъ, цѣломудреннымъ и неменѣ жесто- кимъ ея цѣловикамъ. Сію же, постоянно пребывавшую въ К....ской вотчинѣ ея сіятельства, прекрасную ключницу узналъ я, когда посетилъ въ капикулы домъ моего родителя діакона села Дворцова, коего кти- торшею вышеприведенная графиня, а извѣстіе о цѣлому- дренныхъ цѣловикахъ почерпнулъ изъ устъ моей мате- ри, видѣвшей самолично сундукъ, который, храня за- пасъ капотовъ, кофтъ, юбокъ и лучшаго Голландскаго холста, движимость благопріобрѣтенную предметомъ моего пламени, — хранилъ и сихъ затворниковъ. Долго всѣ усилил, дабы смягчить каменное сердце гордой Анны Потаповны оставались тщетными: вздохи, взгля- ды, стихи, да и какіе! даже подарки не могли превло- нить ее; она съ презрѣніемъ отвергала мои вздохи, взгляды, стихи и подарки; подобно.... Но отложу на время уподобленія; скажу, что наконецъ судьба надо- мной сжалась. Пріѣхала графиня. Во время оно ея сіятельство не была охотницею сама повѣрять счеты,

пріимны, особенно при общемъ несчастіи.—Вотъ почему и случилось, что нѣсколько дамъ и кавалеровъ, которымъ уже нельзя было слетѣться на зиму въ древней столицѣ, очутились К...ской губерніи М...скаго уѣзда въ деревнѣ графини Ладовой, богатой—и, сколько могу о томъ судить я, М...скаго уѣзднаго училища младшій учитель, умной и любезной Московской барыни.

«Въ послѣднихъ числахъ Сентября

«Въ деревнѣ скучно!»

а предоставляла сіе занятіе управителю; но въ пынѣшній прїѣздъ, съ какого повода — не знаю, быть можетъ, отъ скуки, а вздумалось ей, подвергнуть Анну Потаповну испытанію. И что же? прекрасная ключница оказалась весьма сильною въ красноречіи, въ особенностяхи по убѣждающей, умоляющей и увѣрляющей части онаго, въ ариметикѣ же нѣсколько слабѣе. Слѣдствіемъ сего было увольненіе: графиня приказала ей или лучше сказать, присоветовала, отыскать къ новому году какое поприще для своихъ дарованій. Между тѣмъ о Рождествѣ я снова посѣтилъ родныхъ своихъ, — и ужь Анна Потаповна была ко мнѣ не суровою: на вздохи отвѣчала вздохами, на стихи — прозою, на подарки — благодарностію. Концемъ сего мѣсяца торговаго мѣсяцевъ было обрученіе, а потомъ и свадьба. Свадьбу за день до отъѣзда графини обратно въ Москву, сыграли въ домѣ ея: и тогда одинъ изъ гостей ея сіятельства съ согласія всѣхъ прочихъ и самой хозяйки, вспомнившей пражскую службу Анны Потаповны, подарилъ мнѣ вмѣсто приданнаго рукопись, которую, исправивъ находившіяся въ ней погрѣшности, представляю нынѣ на судъ благосклонной публики. — *I, decus, i, nostrum: melioribus utere fatis*

Сказалъ многочитаемый нынѣ стихотворецъ, въ сочиненія коего заглядывалъ и я, хотя къ сердечному моему прискорбію и не нашелъ въ нихъ того, чего отъ истиннаго Пінты требуютъ ученые мужи Рижскій и Никольскій, образцы мои и наставники. Впрочемъ должно признаться, что стихотворецъ сей говорилъ иногда правду и даже правду горькую. По крайній мѣрѣ въ приведенной мною, хотя и не слишкомъ витіивато изложенной, апоэегмѣ, я совершенно согласенъ съ нимъ. Повторю же:

«Въ послѣднихъ числахъ Сентября

«Въ деревнѣ скучно!»

А если сіе справедливо, читатели, что скажемъ о послѣднихъ числахъ Октября, Ноября, Декабря? Но именно сіи мѣслцы и даже часть Января текущаго нынѣ года графиня Ладова и гости ея принуждены были, ради свирѣпствовавшей въ Москвѣ холеры, провести въ деревнѣ.

Съ начала мущины охотились: потомъ, или охота надѣла имъ, или стало жаль бѣдныхъ дамъ, которыхъ на цѣлые дни покидали въ сиротствѣ и одиночествѣ, словомъ наши Невроды чаще прежняго оставались дома. Карты? но вистъ и все вистъ... это хоть кого выведетъ изъ терпѣнія!—Танцевать подъ фортепьяно съ своими только домашними, считается — такъ я слышала въ домѣ ея сіятельства, — неприличнымъ, *de mauvais ton*. (Пишу, справившись пред-

варительно съ словаремъ, а не выговариваю сего Французскаго рѣченія; да не вздумаетъ же Зонль мнѣ, учителя узднаго училища, осмѣять за употребленіе онаго!)— Знакомства у графини въ сосѣдствѣ не было; новыхъ же она не хотѣла заводить по тысячѣ и одной причинѣ, изъ коихъ ни одна не дошла до моего свѣденія. — Что оставалось дѣлать? Чѣмъ спастись отъ скуки, болѣзни, хоть и менѣе убійственной, нежели Ходера, но все - таки тягостной? Чтеніемъ! — Но при мысли о чтеніи, особенно въ обществѣ, въ слухъ, воображенію невольнo представлялись Молюеровы ученныя женщины и какой-то Hôtel de Rambouillet, который моимъ читателямъ вѣроятно извѣстенъ болѣе, чѣмъ мнѣ. И такъ многимъ, правда, сіе средство приходило на умъ; но всѣ, какъ будто о немъ и не слыхивали, а назвать его никто не смѣлъ. Наконецъ сама графиня, увѣренная въ томъ, что ея права на свѣтскость, любезность и знаніе общественныхъ приличій не могутъ подвергнуться сомнѣнію, предложила это средство — и ея предложеніе было принято съ восторгомъ, какъ всегда принимаютъ съ восторгомъ предложеніе любезной женщины.

Но что читать? Французскихъ книгъ не было: графинина библіотека осталась въ Москвѣ. Къ счастью у нѣкоторыхъ гостей нашлись кое-какія новости отечественной словесности. Выслушали Полтаву, первыя двѣ книги съ восхи-

щеніемъ, а дамы со слезами; третію подвергли двумъ - тремъ легкимъ замѣчаніямъ, но никто не сталъ оспаривать мнѣнія графини, что эта поэма лучшее твореніе Пушкина. Монастырка принесла всѣмъ истинное удовольствіе и жалѣли, что должны были ограничиться первой только частію. —

Но вотъ въ чемъ, если къ тому прибавить еще нѣсколько альманаховъ и состоялъ весь запасъ книгъ нашихъ Московскихъ изгнанниковъ. Въ такомъ положеніи дѣлъ новыхъ занятій прискать было трудно. Но случай, который творилъ на свѣтѣ много худаго и хорошаго и на который подѣ часть взводятъ то, въ чемъ онъ все не виноватъ, случай сжалился надъ бѣднымъ обществомъ, готовымъ придти въ отчаяніе.

Юлія, дочь ея сіятельства, любительница музыки; а одинъ изъ бывшихъ у нихъ гостей, — назовемъ его хоть Чинарскимъ, — прекрасно играетъ на фортепьяно и флейтѣ. Одинакія склонности сблизили графиню Юлію и молодаго Чинарскаго: они часто занимались вмѣстѣ музыкою.

Однажды вечеромъ хозяйка съ прочими пила чай въ гостиной, а Юлія и товарищъ ея сидѣли въ ближней комнатѣ за фортепьяно. Полковникъ Саблевъ, двоюродный братъ графини положилъ на столъ Съверную Пчелу, только что полученную и принялся было разсуждать о благомъ совѣтѣ Г. Издателя лечиться отъ хо-

леры чтеніемъ. — «Хоть бы не отъ холеры, прервала графиня полковника, — «да отъ скуки!»

Но, Боже мой, что прикажете читать? Уже-ли?...» Но звонкій голосъ Юліи и слова: «Матан! Матан! вѣдь Мг. Чинарскій поэтъ!» обратили общее вниманіе. Молодая графиня вбѣжала съ торжествующимъ видомъ, держала въ правой рукѣ небольшую тетрадь, а лѣвой отдѣлялась отъ Чинарскаго, который упрашивалъ и, казалось, хотѣлъ удержать ее.

«Какъ! вы поэтъ? И танлись отъ насъ, Чинарскій? отъ друзей своихъ! И вамъ не стыдно? не совѣстно?» Вотъ восклицанія, которыя раздались въ гостинной изъ устъ мужчинъ и женщинъ.

Молодой авторъ краснѣлъ, терялся, хотѣлъ что-то отвѣчать, занкнулся и наконецъ снова сталъ просить Юлію, чтобъ возвратила тетрадь его. —

ГРАФИНЯ МАТЬ. Julie конечно должна исполнить ваше желаніе, если вы непремѣнно того требуете. Но позвольте узнать: какимъ образомъ попались ей въ руки стихи ваши?

САБЛЕВЪ. А вотъ какъ: Чинарскій питаетъ особенную довѣренность ко вкусу и скромности моей племянницы; поэзія родная сестра музыки, — онъ съ Julie дѣлилъ свои музыкальныя вдохновенія, хотѣлъ подѣлиться и поэтическими; но шалунья не вытерпѣла и намъ его выдала!

ЧИНАРСКИЙ. Позвольте мнѣ, полковникъ, самому отвѣчать за себя. Графиня желала повторить сонату, которой мы здѣсь еще не играли; я вспомнилъ, что взялъ ее съ собою; побѣжалъ въ свою комнату, отыскалъ ее, но въ торопяхъ забылъ, что въ нотахъ эта несчастная тетрадь; не успѣлъ развернуть.

ГРАФИНЯ. И она выпала? Подлинно, странный, самый странный случай! — Послушайте, mon cher Чинарскій: повторяю вамъ, если вы того требуете, дочь моя вамъ отдастъ эту несчастную, какъ вы ее называете, тетрадь... Но думать вы позволите намъ, какъ кому угодно. Скажу вамъ искренно: догадка полковника мнѣ кажется довольно вѣроятною.

ЧИНАРСКИЙ. Клянусь...

ГРАФИНЯ. Не клянитесь! Смѣшно выказывать себя въ свѣтѣ авторомъ: но здѣсь, въ дружескомъ кругу, когда васъ просятъ—жеманиться—во сто разъ смѣшнѣе! Soyez bon enfant, Чинарскій: прочтите намъ стихи свои!.... И вы все еще не рѣшаетесь? — Неблагодарный! чтобъ наказать васъ, Юлинька должна бы согласиться на вашу просьбу и возвратить вамъ, что у васъ похитила.

САБЛЕВЪ (*съ значительнымъ взглагомъ на Чинарскаго*). Да, точно такъ! Ма піесе, возвратите этому упрямому челоуѣку, что вы у него похитили; а то онъ неравно еще заведетъ съ вами тяжбу!

ЧИНАРСКИЙ. Графиня, не знаю, что вамъ отвѣчать. — Во всякомъ случаѣ я въ странномъ положеніи. Ни за что въ свѣтѣ я бы не желалъ казаться упрямымъ, а еще менѣе жеманнымъ въ глазахъ вашихъ, въ глазахъ..... я не поэтъ и никогда не осмѣлился думать быть поэтомъ: эту небольшую поэму, — въ наши дни все называютъ поэмою, — я написалъ въ Тифлисѣ отъ праздности, для развлечения, когда лечился отъ раны. Такъ и быть, — если вамъ угодно..... Но, графиня, боюсь надоесть — и тогда грѣхъ на вашей душѣ и на вашей, прекрасная Юлія!

ЮЛІЯ. Не знаю, какъ Матап, а я охотно беру этотъ грѣхъ на себя: вы вѣрно насъ избавите отъ всякой ответственности, вѣрно никому не надоедите.

ГРАФИНЯ. Я въ этомъ готова биться объ закладъ. Но чтобъ ободрить васъ, послушайте мое признаніе. — Я женщина и, къ стыду моему скажу, выучилась порядочно по Русски уже по замужствѣ; и—прошу не смѣяться, и я пишу и пишу по Русски!

При этомъ словѣ: *пишу*, удивленіе было всеобщее; Саблевъ уже готовился вооружиться насмѣшкою на сестрицу-писательницу и на всѣхъ женщинъ-авторовъ: но Графиня твердымъ, спокойнымъ взглядомъ посмотрѣла на него, Саблевъ только улыбнулся, и не сказалъ ни слова. Она продолжала: «Такъ, любезный Чинар-

скій, дайте руку: anche io pittore! У насъ женщины - писательницы смѣшны не потому, что писательницы, а потому что смѣшны *. Не то во Франціи, Германіи, Англіи. Признаюсь впрочемъ въ своей слабости: пока у насъ не будетъ писательницъ хорошихъ и не только хорошихъ, а такихъ, которыя въ тоже время были бы и любезными свѣтскими женщинами, я бы не ждала прослыть авторомъ. Но мы здѣсь отшельники: для насъ нѣкоторымъ образомъ пустыя, условныя приличія не существуютъ; а въ скромности каждаго изъ васъ, — не такъ ли? — могу быть увѣрена?» —

Всѣ стали увѣрять графиню, что свято сохранять тайну ея; но она ихъ прервала: «Не сомнѣваюсь, друзья, въ словъ вашемъ: такъ и ростовщикъ не сомнѣвается въ словъ того, кто приходитъ занимать у него, а все таки даетъ деньги не иначе, какъ подъ залогъ. Вотъ почему и я, не то, что бы не вѣрила вамъ, а такъ, — чтобъ не вводить васъ въ искушеніе, — желала бы взять съ каждаго изъ васъ по залогу: признаніе за признаніе! Кромѣ Чинарскаго и меня, нѣтъ ли между нами еще авторовъ? — Вы, напримѣръ, братецъ?» — «Я!» отвѣчалъ Саблевъ голосомъ, въ которомъ силился выразить величайшее изумленіе, между тѣмъ, какъ легкій румянецъ пробѣжалъ по лицу его.

* КВ. Дѣйствіе происходитъ шесть лѣтъ тому назадъ.

ГРАФИНЯ. А! насмѣшникъ! поймали васъ! не отриъкивайтесь!

САБЛЕВЪ. Послушайте, *ma cousine*! Если принудите меня сознаться въ какихъ нибудь пре-
грѣшеніяхъ, вамъ же хуже! И безъ того здѣсь
въ селѣ Дворцовъ домъ вашъ сталъ очень по-
хожъ на домъ покойной *... *... *... ой; чего
недостаетъ намъ? у насъ были настоящіе ли-
тературные вечера; чтеніе, критика, споры, да-
же партіи, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ Богъ
былъ не безъ милости, мы восхищались толь-
ко чужимъ, бранили чужое, разбирали чужое;
а вотъ дошла очередь и до своего!

Но, пользуясь половиннымъ признаніемъ, да-
мы напали общими силами на полковника, сби-
ли его, заняли всѣ укрѣпленія и принудили
сдаться военнопленнымъ т. е. заставили про-
говориться, что и онъ, самый строгій и взы-
скательный судія стиховъ и прозы другихъ,
писатель—и, что всего еще хуже, стихотворецъ.
Искренность родила искренность, исповѣдь—
исповѣдь: итогомъ же всѣхъ ихъ было, что изъ
пяти мушницъ и пяти женщинъ и двѣхъ де-
вушекъ, съѣхавшихся въ селѣ Дворцовъ, пять мушницъ
оказались писателями, а пять женщинъ авто-
рами, по крайней мѣрѣ переводчицами.

«Событіе, едва ли вѣроятное, особенно у
насъ въ Россіи!» воскликну я, Издатель записокъ
сихъ. Но все ли то истинно, что вѣроятно? и